

В.Г. Зебальд Естественная история разрушения

Ныне очень трудно составить себе хотя бы мало-мальски удовлетворительное представление о масштабах уничтожения немецких городов, которое происходило в последние годы Второй мировой войны, и ещё труднее размышлять о кошмаре, связанном с этим уничтожением. Конечно, из «Обзоров стратегических бомбовых ударов» союзников, из сведений Федерального статистического ведомства и других официальных источников следует, что

Винфрид Зебальд

**Естественная
история разрушения**

«Новое издательство»

1999

УДК 94(4) «1939/45»
ББК 63.3(0)62

Зебальд В. Г.

Естественная история разрушения / В. Г. Зебальд —
«Новое издательство», 1999

ISBN 978-5-98379-199-2

В «Естественной истории разрушения» великий немецкий писатель В. Г. Зебальд исследует способность культуры противостоять исторической катастрофе. Герои эссе Зебальда – философ Жан Амери, выживший в концлагере, литератор Альфред Андерш, сумевший приспособиться к нацистскому режиму, писатель и художник Петер Вайс, посвятивший свою работу насилию и забвению, и вся немецкая литература, ставшая во время Второй мировой войны жертвой бомбардировок британской авиации не в меньшей степени, чем сами немецкие города и их жители.

УДК 94(4) «1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-98379-199-2

© Зебальд В. Г., 1999
© Новое издательство, 1999

Содержание

Предварительное замечание	6
Воздушная война и литература	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В. Г. Зебальд
Естественная история разрушения

© The Estate of W.G. Sebald, 1999

© Новое издательство, 2015

* * *

Предварительное замечание

Вошедшие в настоящую книгу Цюрихские лекции на тему «Воздушная война и литература» публикуются не совсем в той форме, в какой были прочитаны поздней осенью 1997 года. Первая лекция опиралась на сделанное Карлом Зелигом описание прогулки с пациентом клиники Робертом Вальзером в разгар лета 1943 года, в тот самый день, за которым последовала ночь, когда город Гамбург погиб в огне. Воспоминания Зелига, никак не связанные с этим случайным совпадением, прояснили, как мне самому видятся кошмарные события тех лет. Я родился в мае 1944 года в одной из деревень Альгойских Альп и принадлежу к числу людей, фактически не затронутых катастрофой, происходившей тогда в германском рейхе. Но след в моей памяти она все же оставила, и в прочитанных лекциях я пытался продемонстрировать это с помощью довольно пространных пассажей из собственных литературных работ, что в Цюрихе было оправданно, ведь вообще-то предполагались лекции о поэтике. В представленной здесь версии пространные цитаты из собственных сочинений были бы определенно некстати. Поэтому из первой лекции я взял для публикации лишь некоторые выдержки, в остальном же речь идет об откликах на Цюрихские лекции и о присланных мне в этой связи материалах. Многие в них оставляло странноватое впечатление. Однако как раз несовершенство и судорожная скомканность полученных документов и писем свидетельствовали, что беспримерное национальное унижение, выпавшее в последние годы войны на долю миллионов, никогда по-настоящему не находило словесного выражения и люди, непосредственно его изведавшие, не делились пережитым ни друг с другом, ни с теми, кто родился позже. Нередкие сетования, что по сей день не создан великий немецкий эпос о войне и послевоенных годах, отчасти объясняются (в известном смысле вполне понятной) капитуляцией перед могуществом абсолютной случайности, рожденной в наших одержимых порядком головах. Мы изо всех сил стремимся, как обычно говорят, преодолеть прошлое, и тем не менее мне кажется, что ныне мы, немцы, – народ на удивление исторически слепой и лишенный традиции. Нам неведом страстный интерес к давним жизненным укладам и характерным особенностям собственной цивилизации, какой, скажем, в культуре Великобритании чувствуется везде и всюду. Если же мы бросаем взгляд назад, в особенности на период с 1930 по 1950 год, то смотрим и одновременно как бы закрываем глаза, не видим. Потому-то послевоенные сочинения немецких авторов во многом обусловлены половинчатым или ошибочным сознанием, сформированным для укрепления крайне щекотливой позиции писателей в обществе, нравственно почти полностью дискредитированном.

После 1945 года для подавляющего большинства литераторов, остававшихся в годы Третьего рейха в Германии, редефиниция самовосприятия была куда более неотложной задачей, нежели изображение реальных обстоятельств, которые их окружали. Для литературной практики это возымело дурные последствия, и типичный пример тому – Альфред Андерш. По этой причине я добавил к лекциям о воздушной войне и литературе перепечатку эссе об упомянутом писателе, которое несколько лет назад опубликовал в «Леттр». Тогда оно вызвало резкие нападки со стороны тех, кто не желал признать, что за годы, когда фашистский режим, казалось, неудержимо наращивал свою мощь, принципиальная оппозиционность и живой, деятельный ум, безусловно, отличавшие Андерша, вполне могли переключиться на более-менее сознательные попытки приспособиться к ситуации и что позднее для публичной фигуры вроде Андерша отсюда возникала необходимость скорректировать свою биографию посредством тактичных умалчиваний и проч. Именно в стремлении откорректировать для потомков свой образ кроется, по-моему, одна из важнейших причин неспособ-

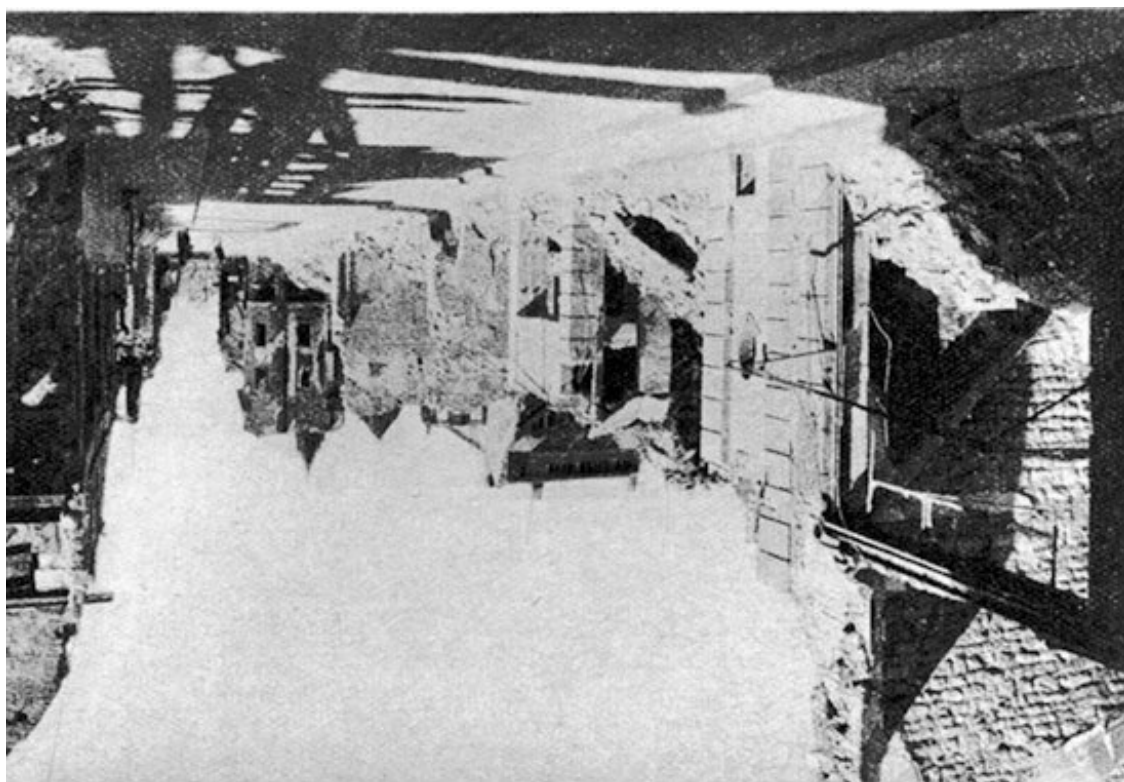
ности целого поколения немецких авторов записать и запечатлеть в нашей памяти то, что они видели.¹

¹ От издателя. Настоящая книга следует составу посмертной американской версии немецкого сборника ВТ. Зебальда «Воздушная война и литература» (1999), вышедшей в 2003 году под заглавием «Естественная история разрушения» и включившей в себя два дополнения – эссе о Жане Амери и Петере Вайсе.

Воздушная война и литература *Цюрихские лекции*

*Прием устранения – это защитный рефлекс любого эксперта.
Станислав Лем. Мнимая величина*

I

Ныне очень трудно составить себе хотя бы мало-мальски удовлетворительное представление о масштабах уничтожения немецких городов, которое происходило в последние годы Второй мировой войны, и еще труднее размышлять о кошмаре, связанном с этим уничтожением. Конечно, из «Обзоров стратегических бомбовых ударов» союзников, из сведений Федерального статистического ведомства и других официальных источников следует, что только ВВС Великобритании, совершив 400 000 вылетов, сбросили на вражескую территорию миллион тонн бомб, что из 131 города, подвергшегося однократной или неоднократным бомбардировкам, некоторые были почти полностью разрушены, что в Германии жертвами воздушной войны стали около 600 000 гражданских лиц, что были уничтожены три с половиной миллиона жилищ, что в конце войны семь с половиной миллионов человек не имели крова, что на каждого жителя Кёльна приходилось 31,4 м³, а на каждого жителя Дрездена – 42,8 м³ строительных обломков, но что это означало на самом деле, мы не знаем². Эта

² См.: Glaser H. 1945: Ein Lesebuch. Frankfurt a. M., 1995. S. 18ff.; а также: Webster Ch., Frankland N. The Strategic Air Offensive Against Germany. Her Majesty's Stationary Ofce. 1954–1956, в частности, т. IV, где собраны приложения, статистические данные и документы.

первая в истории разрушительная акция такого масштаба вошла в анналы возрождающейся нации лишь в форме туманных обобщений, словно бы не оставила заметного болезненного следа в коллективном сознании, практически исключена из ретроспективного личного опыта пострадавших, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли в дискуссиях о внутреннем состоянии нашей страны и, как позднее констатировал Александер Клюге, так и не стала понятным обществу символом³ – ситуация весьма парадоксальная, если учесть, сколько людей день за днем, месяц за месяцем, год за годом подвергались бомбовым ударам и как долго, даже спустя много лет после войны, оставались лицом к лицу с ее реальными последствиями, убивающими (такой вывод напрашивается сам собой) всякое положительное жизнеощущение. Несмотря на прямо-таки невероятную энергию, с какой люди после каждого налета сразу же принимались за восстановление мало-мальски «человеческих» условий, в городах вроде Пфюрцхайма, который во время одного-единственного воздушного налета 23 февраля 1945 года потерял почти треть своих 60 000 жителей, даже после 1950-го на развалинах еще стояли деревянные кресты, а чудовищный смрад, который, как сообщала в марте 1947 года Дженет Флэннер, с первым весенним теплом пробуждался в зияющих подвалах Варшавы⁴, сразу после войны, конечно же, наполнял и немецкие города. Однако в сознание уцелевших, которые оставались на месте катастрофы, он явно не проникал. Люди передвигались «по улице между жуткими руинами (так гласит запись Альфреда Дёблина, сделанная в конце 1945 года на юго-западе Германии), словно в самом деле ничего не произошло и... город выглядел так всегда»⁵. Обратной стороной означенной апатии была декларация нового начала, бесспорный героизм, с каким все немедля взялись за работы по реорганизации и расчистке. В брошюре, посвященной городу Борису 1945–1955 годов, мы читаем: «В это время требуются негибкие люди, чистые в своих помыслах и целях. Ведь и в будущем им не один год придется стоять на передовом рубеже возрождения»⁶. В текст, написанный по заказу городской администрации неким Вилли Руппертом, включено множество фотографий, в том числе и воспроизведенные здесь фотографии Кеммерерштрассе. Полное разрушение предстает здесь не как кошмарный финал коллективной аберрации, а, так сказать, как первая ступень успешного возрождения. По окончании беседы с руководством «ИГ Фарбен», состоявшейся во Франкфурте в апреле 1945 года, Роберт Томас Пелл протоколирует свое удивление по поводу немцев, к чьим раболепным оправданиям, жалости к себе, оскорбленным чувствам невинности и упрямству странно примешивались заявления о готовности «возродить свою страну еще более великой и могучей, чем прежде»⁷, – свое намерение они в итоге осуществили, что легко увидеть на почтовых открытках, какие путешествующий по Германии может сегодня купить во франкфуртских газетных киосках и разослать из города на Майне по всему свету. Теперь уже легендарное и в определенном смысле действительно достойное восхищения возрождение Германии, которое после разрушений, произведенных в войну противниками, оказалось равнозначно поэтапной второй ликвидации собственной предыстории, ведь, требуя огромных трудовых усилий и создавая новую, безликую реальность, оно изначально пресекало всякое воспоминание о прошлом, ориентировало население исключительно на будущее и обязывало его молчать обо всем, что с ним случилось. Немецкие свидетельства о том времени, отстоящем от нас меньше чем на срок жизни одного поколения, настолько скудны и разрозненны, что в сборнике репортажей «Европа в развалинах», изданном в 1990 году Хансом Магнусом Энценбергером, смогли

³ См.: Kluge A. *Geschichte und Eigensinn*. Frankfurt a. M., 1981. S. 97.

⁴ Enzensberger H.M. *Europa in Trümmern*. Frankfurt a. M., 1990. S. 240.

⁵ Ibid. S. 188.

⁶ Ruppert W. ...und Worms lebt dennoch. Wormser Verlagsdruckerei, o. J.

⁷ Enzensberger H.M. *Op. cit.* S. 110.

участвовать лишь зарубежные журналисты и писатели, представившие работы, которые, что характерно, до тех пор в Германии почти не принимались к сведению. Немногие немецкие статьи принадлежат бывшим эмигрантам или иным сторонним наблюдателям, вроде Макса Фриша. Те, что не уезжали из страны, охотно говорили о себе, как, например, Вальтер фон Моло и Франк Тис в злополучном споре с Томасом Манном, что в тяжелую годину оставались на родине, тогда как другие со всеми удобствами отсиживались в Америке; однако они полностью воздержались от комментариев по поводу того, как происходило и закончилось разрушение, наверное не в последнюю очередь из боязни, что реалистическими описаниями вызовут недовольство оккупационных властей. Вопреки общему мнению, современный дефицит памяти не восполнила и сознательно создававшаяся с 1947 года послевоенная литература, от которой стоило бы ожидать хоть частичного раскрытия истинной ситуации. Если старая гвардия так называемых внутренних эмигрантов главным образом радела о создании себе нового реноме и, как замечает Энценсбергер, в бесконечных затрепанных абстракциях взывала к идее свободы и гуманистическому западному наследию⁸, более молодое поколение только что возвратившихся на родину авторов так заиклилось на собственных, то и дело сползающих в слезливую сентиментальность воспоминаниях о войне, что, похоже, толком не обращало внимания на заметные повсюду ужасы эпохи. Даже славная литература развалин, программно заявлявшая о честном и неподкупном изображении реальности и, по признанию Генриха Бёлля, ставившая перед собой прежде всего задачу рассказать, «что мы... застали по возвращении домой»⁹, при ближайшем рассмотрении оказывается уже настроенным на индивидуальную и коллективную амнезию инструментом, вероятно управляемым полубессознательными процессами самоцензуры, – инструментом сокрытия мира, который более невозможно постичь. Подлинное состояние материального и нравственного разрушения, в котором пребывала вся страна, в силу молчаливого уговора, обязательного для всех и каждого, описывать было нельзя. В итоге самые мрачные аспекты заключительного акта разрушения, пережитого подавляющим большинством немецкого населения, так и остались позорным, табуированным семейным секретом, в котором человек, наверно, даже себе самому признаться не мог. Из всех созданных в конце 1940-х литературных произведений, собственно говоря, только роман Генриха Бёлля «Ангел молчал»¹⁰ мало-мальски дает представление о глубине ужаса, который тогда грозил завладеть каждым, кто вправду всматривался в руины. С первых же страниц становится ясно, что именно это повествование, словно бы проникнутое неизбывной печалью, будет не по силам нынешним читателям, как полагали издательство и, пожалуй, сам Бёлль, потому-то книга и опубликована только в 1992 году, с почти полувековым опозданием. Семнадцатая глава, рассказывающая об агонии фрау Гомперц, действительно полна столь радикального агностицизма, что даже теперь одолеть ее непросто. Темная, клейкая кровь, толчками исторгающаяся на этих страницах изо рта умирающей, заливающая ей грудь, пачкающая простыню, стекающая с кровати на пол и образующая там лужу, – эта похожая на чернила и, как подчеркивает сам Бёлль, очень темная кровь есть символ направленной против воли к выживанию *acedia cordis* – тусклой, уже непреодолимой депрессии, в какую, собственно говоря, должны были бы впасть немцы перед лицом подобного конца. Кроме Генриха Бёлля, лишь немногие авторы – Герман Казак, Ганс Эрих Носсак, Арно Шмидт и Петер де Мендельссон – дерзнули нарушить табу, наложенное на внешнее и внутреннее разрушение, хотя, как мы увидим ниже, большей частью весьма сомнительным способом. И когда в последующие годы специалисты по истории войны и истории Германии начали документировать гибель немецких городов, ситуация ничуть не

⁸ Ibid. S. 11.

⁹ Böll H. Hierzulande. München, 1963. S. 128.

¹⁰ Idem. Der Engel schwieg. Köln, 1992.

изменилась, и картины ужасной главы нашей истории по-настоящему так никогда и не проникли за порог национального сознания. Эти компиляции, зачастую до странности безразличные к изучаемому предмету и выходявшие, как правило, в более или менее отдаленных местах – например, «Огненная буря над Гамбургом» Ханса Брунсвига опубликована в 1978 году штутгартским издательством «Моторбух», – служили в первую очередь санации или устранению знаний, несовместимых с нормальным рассудком, и не были попыткой точнее разобраться в поразительной способности к самоанестезии, которую демонстрирует общество, вышедшее из истребительной войны как будто бы без заметного психического ущерба.

Почти полное отсутствие мало-мальски глубоких нарушений в духовной жизни немецкой нации позволяет заключить, что новое, федеративно-республиканское общество препоручило опыт, полученный в его предыстории, прекрасно функционирующему механизму вытеснения, что, с одной стороны, позволяет ему признавать факт своего возникновения из абсолютной деградации, с другой же – целиком исключить все это из сферы своих эмоций или же вообще объявить очередной славной страницей в перечне того, что без малейших признаков внутренней слабости удалось успешно пережить. Как указывает Энценсбергер, «загадочную энергию немцев» не постичь, «если упорно противишься пониманию, что они возвели свой изъяз в ранг добродетели. Беспамятство, – пишет он, – было условием их успеха»¹¹. Ведь предпосылками немецкого экономического чуда стали не только огромные инвестиции по плану Маршалла, не только начало холодной войны, не только разрушение устаревших промышленных сооружений, с тупым упорством произведенное бомбардировочными эскадрами, но и безропотная трудовая мораль, навязанная тоталитарным обществом, способность к логистической импровизации, характерная для стесненной со всех сторон экономики, опыт использования так называемой иностранной рабочей силы и в конечном счете оплакиваемая лишь немногими утрата тяжелого исторического бремени, которое в 1942–1945 годах сгорело в пожарах вместе с вековыми жилыми и конторскими зданиями в Нюрнберге и Кёльне, во Франкфурте, Ахене, Брауншвайге и Вюрцбурге. Таковы более или менее явные факторы становления экономического чуда. Катализатором стало, однако, нечто совершенно нематериальное: донныне не иссякший поток психической энергии, источником которого является хранимая всеми тайна трупов, замурованных в устои нашей государственности; тайна, которая связывала немцев друг с другом в послевоенные годы и связывает до сих пор куда крепче, чем их когда-либо связывал любой позитивный план, направленный, скажем, на осуществление демократии. Пожалуй, не мешает напомнить об этих обстоятельствах именно сейчас, когда уже дважды потерпевший неудачу обще-

¹¹ Enzensberger H.M. Op. cit. S. 20f.

европейский проект вступает в новую фазу и сфера влияния немецкой марки – истории свойственно повторяться – расширится примерно до пределов территории, оккупированной вермахтом в 1941 году.

Был ли стратегически или морально оправдан – и если да, то чем, – план неограниченной воздушной войны, поддержанный группировками в составе британских ВВС еще в 1940 году, а начиная с февраля 1942 года осуществлявшийся практически, при использовании колоссальных людских и военно-промышленных ресурсов? В десятилетия после 1945-го, насколько мне известно, этот вопрос ни разу не становился в Германии предметом публичной дискуссии, в первую очередь, пожалуй, именно потому, что народ, уничтоживший и до смерти замучивший в лагерях миллионы людей, не мог потребовать от держав-победительниц информации о военно-политической логике, которая диктовала разрушение немецких городов. К тому же не исключено, что немалое число пострадавших от воздушных налетов – на это намекает, к примеру, очерк Ганса Эриха Носсака о гибели Гамбурга – при всем бессильном негодовании на явное безумие воспринимали исполинские пожары как справедливую кару и даже как акт возмездия свыше, с которым не поспоришь. Если не считать заявлений нацистской прессы и радио, где постоянно твердили о садистских террористических налетах и варварских воздушных гангстерах, лишь крайне редко кто-либо вообще роптал на многолетнюю разрушительную кампанию союзников. Самые разные источники сообщают, что немцы смотрели на происходящую катастрофу в завороченном безмолвии. «Настало другое время, – писал Носсак, – и столь ничтожные различия, как различия между другом и недругом, уже не принимались в расчет»¹². В противоположность большей частью пассивной реакции немцев на разрушение их городов, которое виделось им как роковая неизбежность, в Великобритании эта программа уничтожения с самого начала вызывала острые разногласия. Не только лорд Солсбери и Джордж Белл епископ Чичестерский неоднократно и весьма настойчиво выражали свой протест и в палате лордов, и перед широкой общественностью, заявляя, что стратегия налетов, направленных в первую очередь против гражданского населения, недопустима ни с точки зрения военного права, ни с точки зрения морали и что даже ответственные высшие военные чины расходятся в оценке этого нового способа военных действий. Постоянная амбивалентность в оценке уничтожительного побоища стала еще отчетливее после безоговорочной капитуляции. Чем больше в Англии появлялось фотографий и статей о результатах коврового бомбометания, тем сильнее становилось отвращение к тому, что там, так сказать, вслепую, натворили союзники. «In the safety of peace, – пишет Макс Хастингс, – the bomber's part in the war was one that many politicians and civilians would prefer to forget»¹³¹⁴. Историческая ретроспекция тоже не внесла ясности в нравственную дилемму. В мемуарной литературе продолжались межфракционные распри, и оценки историков, декларирующих объективность и взвешенность, разнятся – от восхищения перед организацией столь масштабного предприятия до критики тщетности и предосудительности акции, наперекор рассудку беспощадно доведенной до конца. Стратегия так называемого *area bombing*¹⁵ стала плодом крайне маргинального положения, какое Великобритания занимала в 1941 году. Германия находилась на вершине своего могущества, ее войска захватили весь континент и готовились продолжить вторжение в Африку и в Азию, а британцев, не имевших ни малейшей реальной возможности вмешаться, просто предоставить произволу их островной судьбы. Ввиду означенной перспективы Черчилль писал лорду Бивербруку, что есть только один способ вновь принудить Гитлера к конфронтации, «and that is an absolutely devastating exterminating attack by very heavy bombers from this country upon the Nazi

¹² Nossack H.E. Der Untergang // Idem. Interview mit dem Tode. Frankfurt a. M., 1972. S. 209.

¹³ В безопасности мирного времени роль бомбардировщиков в войне оказалась такова, что многие политики и штатские предпочли бы ее забыть (англ.).

¹⁴ Hastings M. Bomber Command. London, 1979. S. 346.

¹⁵ Бомбометания по площадям (англ.).

homeland»¹⁶¹⁷. Правда, предпосылок для осуществления подобной операции тогда отнюдь не было. Недоставало производственной базы, аэродромов, учебных программ для экипажей бомбардировщиков, эффективных боеприпасов, новых навигационных систем, а также не было почти никакого хоть сколько-нибудь полезного опыта. Насколько отчаянным было положение в целом, доказывают фантастические планы, которые всерьез рассматривались в начале 1940-х годов. Так, например, предлагалось сбрасывать на поля острые железные сваи, чтобы воспрепятствовать уборке урожая, а гляциолог-беженец по имени Макс Перуц проводил эксперименты в рамках проекта «Аввакум» (Habbakuk), в результате которого предполагалось построить гигантский непотопляемый авианосец из пайкрита – то есть из льда, искусственно усиленного древесной массой. Едва ли менее фантастичны были в ту пору попытки разработать заградительную сеть из невидимых лучей или сложные расчеты, сделанные в Бирмингемском университете Рудольфом Пайерлем и Отто Фришем и приблизившие возможность создания атомной бомбы. Не удивительно, что на фоне таких замыслов, граничащих с утопией, куда более понятная стратегия бомбометания по площадям, которая, несмотря на низкую прицельность, позволяла вести военные действия на разных участках вражеской территории, в итоге одержала верх и в феврале 1942 года была одобрена решением правительства – «to destroy the morale of the enemy civilian population and, in particular, of the industrial workers»¹⁸¹⁹. Эта директива, вопреки непрерывным уверениям, родилась отнюдь не из стремления быстро закончить войну посредством массированного применения бомбардировочной авиации; скорее это была вообще единственная возможность вмешаться в войну. Впоследствии спешно форсированную программу уничтожения критиковали (также и с учетом количества собственных жертв) главным образом за то, что ее не свернули даже тогда, когда уже появилась возможность совершать несравненно более точные, избирательные налеты – например, на шарикоподшипниковые заводы, нефтяные и топливные предприятия, транспортные узлы и главные магистрали, – которые, как отмечал в своих воспоминаниях Альберт Шпеер²⁰, могут в кратчайшие сроки вызвать сквозной паралич всей системы производства. Как отмечалось критиками масштабных бомбардировок, уже весной 1944-го стало ясно, что, невзирая на непрекращающиеся налеты, мораль немецкого населения сломить не удалось, промышленное производство уменьшилось лишь незначительно, а конец войны не приблизился ни на йоту. И коль скоро стратегические цели операции не претерпели изменений и едва выпущенные из училищ экипажи бомбардировщиков продолжали «играть в рулетку», стоившую жизни шести десяткам на сотню, тому, на мой взгляд, есть причины, которым официальная историография уделяет крайне мало внимания. Во-первых, операция таких материальных и организационных масштабов, как наступление бомбардировочной авиации, поглотившая, по оценкам А. Дж. П. Тейлора, треть британского военного производства²¹, имела настолько высокую собственную динамику, что краткосрочные коррективы курса и ограничения почти исключались, тем более в период, когда после интенсивного трехлетнего расширения производственных предприятий и наземной базы она достигла своего апогея, то есть максимальной разрушительной мощности. Просто бросить за ненадобностью на восточноанглийских аэродромах уже произведенный материал – самолеты и их полезный груз, – здоровый экономический инстинкт восставал против этого. Вдобавок решающую для продолжения операции роль сыграла, вероятно, прямо-таки

¹⁶ А именно абсолютно разрушительный, опустошительный удар самых тяжелых бомбардировщиков нашей страны по территории нацистской Германии (англ.).

¹⁷ Цит. по: *Messenger Ch.* “Bomber” Harris and the Strategic Bombing Offensive, 1939–1945. London, 1984. P. 39.

¹⁸ Чтобы сломить дух гражданского населения и, прежде всего, промышленных рабочих противника (англ.).

¹⁹ *Webster Ch., Frankland N.* Op. cit. Vol. IV. P. 144.

²⁰ *Speer A.* Erinnerungen. Berlin, 1969. S. 359ff.

²¹ *Hastings M.* Op. cit. P. 349.

необходимая с точки зрения поддержания британского боевого духа пропагандистская ценность, какую имели ежедневные сообщения английских газет о систематических разрушительных актах, ведь в то время на европейском континенте англичане с противником никак больше не соприкасались. Вот почему, пожалуй, никто и не помышлял снимать с должности сэра Артура Харриса (главнокомандующего бомбардировочной авиацией), который упорно отстаивал свою стратегию, даже когда ее крах был уже очевиден. Некоторые комментаторы утверждают, «that „Bomber» Harris had managed to secure a peculiar hold over the otherwise domineering, intrusive Churchill»^{22,23}, ведь, хотя премьер неоднократно выражал определенные сомнения касательно ужасающих бомбардировок открытых городов, он – явно под влиянием Харриса, отметававшего любые контраргументы, – успокоился на том, что теперь, мол, все вершит высшая, идеальная справедливость, «that those who have loosed these horrors upon mankind will now in their homes and persons feel the shattering strokes of just retribution»^{24,25}. В самом деле многое убедительно свидетельствует, что командующий бомбардировочной авиацией Харрис, по выражению Солли Цукермана, верил в уничтожение как таковое²⁶, а стало быть, оптимально воплощал главный принцип любой войны, то есть максимально полное уничтожение противника вкупе с его жилищами, его историей и природным окружением. Элиас Канетти связывал странную притягательность власти в самом чистом ее проявлении с растущим числом ее жертв. Совершенно в таком же ключе непоколебимость позиции сэра Артура Харриса вытекала как раз из его безграничного интереса к уничтожению. План последовательных сокрушительных ударов, неуклонно осуществлявшийся до самого конца, отличался поразительно простой логикой, по сравнению с которой все реальные стратегические альтернативы, как, например, пресечение снабжения горючим, выглядели всего-навсего отвлекающими маневрами. Воздушная война бомбардировочной авиации была войной в чистой, незамаскированной форме. Ее развитие, противоречащее всякому рассудку, показывает, что жертвы войны, как пишет Илейн Скарри в своей необычайно провидческой книге «Тело в муках», не суть жертвы, принесенные на пути к какой бы то ни было цели, они в прямом смысле – сам этот путь и эта цель²⁷.

²² Что «бомбист» Харрис сумел обеспечить себе особое влияние на обычно властного, нетерпимого Черчилля (англ.).

²³ См.: De Groot G.J. Why did they do it? // Times Higher Educational Supplement. 1992. October 16. P. 18.

²⁴ Дабы те, кто навлек на человечество эти кошмары, в своих домах и на собственной шкуре ощутили сокрушительные удары заслуженного возмездия (англ.).

²⁵ Цит. по: Ibid.

²⁶ Zuckerman S. From Apes to Warlords. London, 1978. P. 352.

²⁷ Scarry E. The Body in Pain. Oxford 1985. P. 74.

Большинству весьма далеких друг от друга по уровню и, как правило, фрагментарных источников сведений о разрушении немецких городов свойственна странная эмпирическая слепота, вытекающая из крайне суженной, односторонней или смещенной точки зрения. Например, первый прямой репортаж о бомбардировке Берлина, переданный центральной службой Би-би-си, разочарует всякого, кто ожидает вникнуть в происходившее из перспективы более высокого уровня. Поскольку, невзирая на неотступную опасность, во время этих ночных вылетов ничего достойного описания не случалось, корреспондент (Уилфред Вон Томас) вынужден обходиться минимумом фактов. Только благодаря пафосу, который снова и снова звучит в его голосе, не возникает ощущения скуки. Мы слышим, как с наступлением сумерек тяжелые бомбардировщики «Ланкастер» поднимаются в воздух и уже вскоре, оставив позади белую полосу побережья, летят над Северным морем. «Now, right before us, – комментирует Вон Томас с заметной дрожью в голосе, – lies darkness and Germany»²⁸. В ходе перелета к первым прожекторным батареям линии Каммхубера – в репортаже он, конечно же, по времени сильно сокращен – слушателям представляют экипаж: Скотти, бортинженер, до войны киномеханик в Глазго; Спарки, бомбардир-навигатор; Коннолли, «the navigator, an Aussie from Brisbane»²⁹; «the mid-upper gunner who was in advertising before the war and the real gunner, a Sussex farmer»³⁰. Командир остается анонимным. «We are now well out over the sea and looking out all the time towards the enemy coast»³¹. Идет обмен различными наблюдениями и техническими указаниями. Порой слышен лишь рокот мощных моторов. На подлете к городу – целый калейдоскоп событий. Лучи прожекторов, прошитые очередями зенитных трасс, тянутся к бомбардировщикам, один ночной истребитель сбит. Вон Томас старается

²⁸ *Сейчас прямо впереди мрак и Германия* (англ.).

²⁹ *Штурман, австралиец из Брисбена* (англ.).

³⁰ *Стрелок в верхней гондоле, до войны работавший в рекламе, и стрелок хвостовой установки, суссекский фермер* (англ.).

³¹ *Сейчас мы летим над морем, держим курс на вражеское побережье* (англ.).

надлежащим образом преподнести драматическую кульминацию, говорит о «wall of search lights, in hundreds, in cones and clusters. It's a wall of light with very few breaks and behind that wall is a pool of fiercer light, glowing red and green and blue, and over that pool myriads of flares hanging in the sky. That's the city itself!.. It's going to be quite soundless, – продолжает Вон Томас, – the roar of our aircraft is drowning everything else. We are running straight into the most gigantic display of soundless fireworks in the world and here we go to drop our bombs on Berlin»³². Однако за этой увертюрой, собственно, ничего больше не следует. Все происходит слишком быстро. Самолет уже покидает район бомбометания. Нервное напряжение отпускает, экипаж внезапно становится разговорчив. «Not too much nattering»³³ – осаживает командир. «By God, that looks like a bloody good show»³⁴, – успевает сказать кто-то. А другой добавляет: «Best I've ever seen»³⁵. Затем, уже через некоторое время, третий, не так громко, почти с благоговением: «Look at that fire! Oh boy!»^{36,37}. Сколько их тогда было, таких огромных пожаров. Однажды я слышал, как бывший бортстрелок рассказывал, что с его места в хвостовой гондole горящий Кёльн было видно, даже когда они снова оставили позади голландское побережье, – огненное пятно во мраке, похожее на хвост неподвижной кометы. Наверняка из Эрлангена или Форххайма был виден охваченный пламенем Нюрнберг, а с холмов вокруг Гейдельберга – отсвет пожаров над Мангеймом и Людвигсхафеном. Принц Гессенский ночью 11 сентября 1944 года, стоя на опушке своего парка, смотрел на Дармштадт, находившийся в пятнадцати километрах. «Зарево разгоралось все сильнее, пока весь южный небосклон не запылал багровым огнем, пронзаемым желтыми молниями»³⁸. Один из узников Малой крепости Терезиенштадта вспоминает, что на расстоянии 70 километров отчетливо видел из окошка своей камеры огненный отсвет над горящим Дрезденом и слышал глухие разрывы бомб, как будто совсем рядом бросали в погреб пятидесятикилограммовые мешки³⁹. Фридрих Рекк, уже в самом конце войны брошенный фашистами в Дахау за вредительские высказывания и умерший там от тифа, записал в дневнике – а это поистине неоценимое свидетельство эпохи, – что при налете на Мюнхен в июле 1944 года до самого Кимгау дрожала земля и от взрывных волн вылетали стекла⁴⁰. Хотя то были совершенно недвусмысленные знаки катастрофы, накрывающей всю страну, не всегда оказывалось так уж просто получить достаточно точные сведения о характере и масштабе разрушений. Потребности узнать противостояло желание отключить восприятие. С одной стороны, курсировало невероятное количество дезинформации, с другой – правдивые истории, которые абсолютно не укладывались в голову. В Гамбурге, как говорили, погибло 200 000 человек. Рекк пишет, что не может верить всему, поскольку много слышал «о полном умственном помешательстве гамбургских беженцев... об их амнезии и о том, как они, в одних пижамах, бродили вокруг в том состоянии, в каком спасались из рушащихся домов»⁴¹. Носсак сообщает сходные вещи: «В первые дни было невозможно получить точные сведения. То, что рассказывали, в деталях

³² Стене ищущих лучей, их сотни, они образуют конусы и пучка Стена света, почти без разрывов, а за этой стеной – море еще более ярких огней, красных, синих, зеленых, и в небе над ним – мириады вспышек. Это сам город!.. По-видимому мы ничего толком не услышим, рев нашего самолета заглушает все прочие звуки. Мы летим напрямик в средоточие грандиознейшего беззвучного фейерверка, здесь и сейчас мы сбросим бомбы на Берлин (англ.).

³³ Ну-ка, потише! (англ.)

³⁴ Ей-богу обалденное зрелище (англ.).

³⁵ Ничего лучше я не видал (англ.).

³⁶ Гляньте, мамой пожар! Ого-го! (англ.)

³⁷ Raid on Berlin (4 сентября 1943 года), звукозапись. Имперский военный музей (Лондон).

³⁸ Schmidt K. Die Brandnacht. Darmstadt, 1964. S. 61.

³⁹ См.: Martin N. Prager Winter. München, 1991. S. 234.

⁴⁰ Reck F. Tagebuch eines Verzweifelten. Frankfurt a. M., 1994. S. 220.

⁴¹ Ibid. S. 216.

никогда не совпадало»⁴². Очевидно, под влиянием пережитого шока способность вспоминать частично отказывала или работала компенсаторно, по произвольной сетке. Уцелевшие в катастрофе были ненадежными, полуслепыми очевидцами. В тексте «Воздушный налет на Хальберштадт 8 апреля 1945 года», написанном уже примерно в 1970 году и поднимающем вопрос о последствиях так называемой *moral bombing*⁴³, Алксан-дер Клюге цитирует некоего американского военного психолога, который после войны беседовал в Хальберштадте с уцелевшими и вынес впечатление, что «население, при всей его врожденной словоохотливости, утратило психическую способность вспоминать и что амнезии подверглись люди, находившиеся внутри периметра городских разрушений»⁴⁴. Даже если это предположение, сделанное якобы реальным лицом, относится к числу знаменитых псевдодокументальных приемов Клюге, таким образом безусловно выявлен характерный синдром, ведь рассказам уцелевших, как правило, свойственна отрывочность, своего рода дискретность, настолько несовместимая с нормальным воспоминанием, что легко создает впечатление выдумки и досужего домысла. Однако это ощущение фальши в сообщениях очевидцев возникает и в силу стереотипных оборотов, какими они то и дело пользуются. Реальность тотального уничтожения, непостижимая в своей экстремальной случайности, стирается, бледнеет за ходячими формулировками вроде «все стало добычей огня», «роковая ночь», «от пожара было светло как днем», «царил сущий ад», «мы видели преисподнюю», «страшная участь немецких городов» и проч. Их функция – маскировать и нейтрализовать переживания, выходящие за пределы постижимого. Выражение «в тот страшный день, когда наш прекрасный город сровняли с землей», которое клюгевский американец – исследователь катастроф слышит как во Франкфурте и Фюрте, Вуппертале и Вюрцбурге, так и в Хальберштадте⁴⁵, на самом деле всего-навсего жест, отгоняющий воспоминание. Даже дневниковая запись Виктора Клемперера о гибели Дрездена остается в пределах, поставленных языковой традицией⁴⁶. В свете всего, что мы знаем теперь о гибели Дрездена, нам кажется невероятным, чтобы человек, стоявший тогда в тучах искр на Брюльской террасе и видевший панораму горящего города, мог сохранить здравый рассудок. Нормальное функционирование обычного языка в рассказах большинства очевидцев заставляет усомниться в аутентичности изложенного в них опыта. За считанные часы в огне погиб целый город со всеми его постройками и деревьями, со всеми жителями, домашними животными, всевозможной мебелью и имуществом, а это не могло не привести к перегрузке и параличу мыслительной и эмоциональной способности тех, кому удалось спастись. Сообщения отдельных очевидцев поэтому имеют лишь относительную ценность, и их необходимо дополнить тем, что открывается при синоптическом, искусственном сопоставлении.

В разгар лета 1943 года, в период затяжной жары, британские ВВС при поддержке 8-й воздушной армии США совершили ряд налетов на Гамбург. Целью этой операции под кодовым названием «Гоморра» было максимальное уничтожение и испепеление города. При налете в ночь на 28 июля, который начался в час ночи, на густонаселенный жилой район восточнее Эльбы, включающий кварталы Хаммербрук, Хамм-Норд и Хамм-Зюд, Билльвердер-Аусшлаг, а также отчасти Санкт-Георг, Айльбек, Бармбек и Вандсбек, было сброшено 10 000 тонн фугасных и зажигательных авиабомб. Сначала по уже опробованной схеме фугасы массой по 4000 фунтов вышибли все окна и двери, затем легкие зажигательные бомбы подо-

⁴² Nossack H.E. Der Untergang. S. 213.

⁴³ Моральной бомбардировки (англ.).

⁴⁴ Kluge A. Neue Geschichten. Hefte 1: "Unheimlichkeit der Zeit". Frankfurt a. M., 1977. S. 106.

⁴⁵ Ibid. S. 104.

⁴⁶ См.: Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten: Tagebücher 1942–1945. Berlin 1995. S. 661ff.

жгли чердаки, а зажигательные бомбы весом до 15 килограммов одновременно пробивали перекрытия и проникали в нижние этажи. За считанные минуты на территории около 20 квадратных километров повсюду возникли огромные пожары, разраставшиеся настолько быстро, что уже через четверть часа после сброса первых бомб все воздушное пространство, куда ни глянь, стало сплошным морем пламени. А еще через пять минут, в час двадцать, разразилась огненная буря такой интенсивности, какую до тех пор никто и помыслить себе не мог. Огонь, взметнувшийся ввысь на две тысячи метров, с такой силой затягивал кислород, что воздушные потоки приобрели мощь урагана и гремели как могучие органы, где включены разом все регистры.

Так продолжалось три часа. Достигнув кульминации, эта буря срывала фронтоны и крыши домов, крутила в воздухе балки и тяжелые плакатные стенды, с корнем выворачивала деревья и гнала перед собой живые человеческие факелы. Из-за рушащихся фасадов выплескивались высоченные фонтаны пламени, мчались по улицам, словно приливная волна, со скоростью свыше 150 километров в час, огневыми валами кружили в странном ритме на открытых площадях. В некоторых каналах горела вода. В трамвайных вагонах плавись стекла, в подвалах пекарен кипели запасы сахара. Выбежавшие из укрытий люди вязли в жидком, пузырящемся асфальте, не могли выбраться, падали и замирали в гротескных позах. Никто на самом деле не знает, сколько людей той ночью погибли и сколько перед смертью сошли с ума. Когда настало утро, солнечный свет не проникал сквозь свинцовый мрак над городом. Дым поднялся на высоту восьми тысяч метров и расплылся там исполинской, похожей на наковальню грозовой тучей. Зыбкий жар – пилоты бомбардировщиков рассказывали, что чувствовали его сквозь обшивку самолетов, – еще долго исходил от чадящих, тлеющих груд развалин. Жилые кварталы, уличный фронт которых составлял круглым счетом 200 километров, оказались полностью уничтожены. Повсюду лежали чудовищно изуродованные тела. По одним еще пробегали синеватые фосфорные огоньки, другие, бурые или багрово-красные, запеклись и съежились до трети натуральной величины. Скрюченные, они лежали в лужах собственного, частью уже застывшего жира. В августе, когда бригады штрафников и лагерных заключенных смогли начать разборку остывших развалин, во внутренней зоне полного уничтожения (ее оцепили уже в ближайшие дни) были обнаружены люди, которые, задохнувшись от угарного газа, так и сидели за столами или у стен; в иных местах находили куски плоти и кости, а то и целые горы тел, обваренные кипятком из лопнувших отопительных котлов. При температуре, достигавшей тысячи градусов и выше, многие тела были настолько обуглены и испепелены, что останки нескольких больших семей могли уместиться в одной бельевой корзине.

Исход уцелевших из Гамбурга начался еще в ночь налета. Как пишет Носсак, «по всем окрестным дорогам ехали люди... сами не зная куда»⁴⁷. Миллион двести пятьдесят тысяч беженцев забросило на самые дальние окраины рейха. В уже цитированной записи от 20 августа 1943 года Фридрих Рекк сообщает о группе из сорока-пятидесяти таких беженцев, которые пытаются штурмом взять поезд на одной из верхнебаварских станций. При этом на перрон падает фибровый чемодан и «разбивается, вываливая все свое содержимое. Игрушки, маникюрный несессер, обгоревшее белье. И под конец, спаленный до мумии детский трупик, который полуобезумевшая женщина тащила с собой как остаток еще несколько дней назад живого прошлого»⁴⁸. Едва ли возможно, чтобы Рекк выдумал эту жуткую сцену. Так или иначе, глубоко потрясенные, то обуреваемые истерическим желанием выжить, то впадающие в тяжелейшую апатию беженцы наверняка разнесли весть об ужасах гибели Гамбурга по всей Германии. Во всяком случае, дневник Рекка подтверждает, что, несмотря на запрет передачи информации, все-таки можно было узнать, какая кошмарная гибель постигла немецкие города. Годом позже Рекк рассказывает о десятках тысяч людей, которые после заключительного массированного налета на Мюнхен разбили палаточный лагерь в скверах на площади Максимилиансплац. Дальше он пишет: «Неподалеку, по магистральному шоссе, бесконечным потоком [идут] беженцы, немощные старушонки, которые на длинной палке несут за плечами узелок со скудными пожитками. Бесприютные бедолаги в обгоревшей одежде, в их глазах по-прежнему стоит ужас огненного смерча и взрывов, раздирающих на куски все и вся, ужас гибели в засыпанном подвале – под завалом или от мерзкого удушья»⁴⁹. Примечательность подобных заметок – их редкость. На самом деле кажется, будто в те годы никто из немецких писателей, за исключением Носсака, был не готов или не способен написать что-либо конкретное о ходе и последствиях столь долговременной и масштабной разрушительной кампании. Ничего не изменилось и по окончании войны. Псевдоестественный рефлекс, обусловленный чувствами позора и строптивости по отношению к победителям, велел молчать и отвернуться. Стиг Дагерман, осенью 1946-го работавший в Германии как репортер шведской газеты «Экспрессен», пишет из Гамбурга, что целых пятнадцать минут поезд с нормальной скоростью шел по лунному ландшафту между

⁴⁷ Nossack H.E. Der Untergang. S. 211.

⁴⁸ Reck F. Op. cit. S. 216.

⁴⁹ Ibid. S. 221.

Хассельброоком и Ландвером и в этой чудовищной пустыне, пожалуй, самом страшном во всей Европе поле развалин, он не видел ни одного человека. Поезд, пишет Дагерман, как все поезда в Германии, был набит битком, но никто не смотрел в окно. А *поскольку* он сам смотрел наружу, в нем признали чужака⁵⁰. Дженет Флэннер, корреспондентка «Нью-Йоркера», сделала сходные наблюдения в Кёльне, который, как гласит один из ее репортажей, «в руинах и одиночестве полного физического уничтожения... утратив всякую форму... [лежит] на речном берегу. То, что уцелело от его жизни, с трудом торит себе путь по засыпанным боковым улицам: скудное население, одетое в черное, – безмолвное, как и сам город»⁵¹. Это безмолвие, эта закрытость и отстраненность – в них-то и заключена причина того, что мы так мало знаем, о чем думали и что видели немцы в течение половины десятилетия, между 1942-м и 1947-м. Газвалины, среди которых они жили, остались *terra incognita* войны. Солли Цукерман, наверно, предугадывал этот дефицит. Как и все, кто непосредственно участвовал в дебатах о максимально эффективной наступательной стратегии и, стало быть, имел определенный профессиональный интерес к последствиям *area bombing*, он тоже постарался как можно раньше увидеть разрушенный Кёльн. В Лондон он возвращался потрясенный увиденным и договорился с Сирилом Коннолли, тогдашним издателем журнала «Оризон», что напишет статью под названием «О естественной истории разрушения». В автобиографии, вышедшей десятилетия спустя, лорд Цукерман сообщает, что этот замысел потерпел неудачу: «My first view of Coiogne cried out for a more eloquent piece than I could ever have written»⁵². В 1980-е годы, когда я однажды заговорил с лордом Цукерманом на эту тему он уже не мог вспомнить, о чем конкретно хотел в свое время написать. Перед глазами у него стоял только черный собор среди каменной пустыни да оторванный палец, найденный в куче развалин.

II

С чего бы должно начать естественную историю разрушения? С обзора технических, организационных и политических предпосылок проведения массированных воздушных налетов, с научного описания дотоле неизвестного феномена огненных бурь, с патографического перечня характерных видов смерти или с этологопсихологических штудий об инстинкте бегства и возвращения домой? Носсак пишет, что не было русла для людского потока, который после налетов на Гамбург «беззвучно и неудержимо захлестнул все и вся» и мелкими ручейками донес тревогу до самых отдаленных деревень. Едва найдя где-нибудь пристанище, продолжает Носсак, беженцы снова снимались с места, продолжали свое странствие или пытались вернуться в Гамбург – «чтобы еще что-то спасти или чтобы поискать родственников», или по туманным причинам, заставляющим убийцу возвращаться на место преступления⁵⁴. Так или иначе, неисчислимые толпы людей изо дня в день находились в пути. Бёлль позднее предположил, что именно в этом опыте коллективной бесприютности коренится маниакальная страсть нынешних немцев к путешествиям, ощущение, что нигде нельзя задержаться, надо все время спешить в другое место⁵⁵. Итак, с точки зрения бихевиоризма эти исходы и возвращения бездомных беженцев явились чем-то вроде подготовки к вступлению в мобильное общество, которое сложилось за десятилетия после ката-

⁵⁰ Цит. по: *Enzensberger H.M.* Op. cit. P. 203f.

⁵¹ Ibid. S. 79.

⁵² Вид тогдашнего Иёльна требовал более красноречивого описания, чем мог бы дать я (англ.).

⁵³ *Zuckerman S.* Op. cit. P. 322.

⁵⁴ См.: *Nossack H.E.* Der Untergang. S. 211, 226f.

⁵⁵ См.: *Böll H.* Frankfurter Vorlesungen. München, 1968. S. 82f.

строфы и в условиях которого хроническое беспокойство, перегоняющее людей с места на место, превратилось в кардинальную добродетель.

Если отвлечься от неадекватного поведения самих людей, то в течение недель после разрушительного налета, несомненно, более всего бросалось в глаза изменение в городах природного равновесия, а именно стремительное распространение всевозможных паразитов, размножающихся на непогребенных трупах. Поразительная скудность соответствующих наблюдений и комментариев объясняется негласным табуированием, более чем понятным, если учесть, что немцам, ставившим себе целью полное очищение и гигиенизацию Европы, приходилось теперь отбиваться от закравшегося страха, что на самом деле крысы — это они сами. В неопубликованном тогда романе Бёлля есть пассаж, где описывается руинная крыса, которая, приняхиваясь, пробирается по кучам щебня к проезжей части улицы, а Вольфганг Борхерт, как известно, написал прекрасный рассказ о мальчике, который стережет от крыс братишку, погибшего под завалами, и взрослый мужчина уверяет его, что ночью крысы не бесчинствуют, ночью они спят. Помимо этого, в тогдашней литературе, насколько я вижу, существует на означенную тему один-единственный фрагмент у Носсака, где речь идет о том, что одетые в полосатые робы арестанты, которых задействовали в зоне уничтожения на уборке «останков бывших людей», лишь с помощью огнеметов могли проложить себе дорогу к трупам в бомбоубежищах, — настолько густо роились в воздухе мухи, а ступени подвальных лестниц и полы были сплошь покрыты скользкими, толстыми личинками. «Крысы и мухи завладели городом. Полчища наглых, жирных крыс заполонили улицы. Но еще омерзительнее были мухи. Здоровенные, с зеленым отливом, раньше никто таких не видел. Они тучами кишели на мостовой, сидели на обломках стен, оплодотворяя одна другую, устало и сыто грелись на осколках оконных стекол. Когда уже не могли летать, они ползли следом за нами сквозь мельчайшие щелки, и проснувшись, мы первым делом слышали их шорох и жужжание. Прекратилась эта вакханалия лишь к концу октября»⁵⁶. Приведенная картина размножения видов, которым обычно всячески стараются не дать расплодиться, — редкий документ жизни в разрушенном городе. Если даже большинство уцелевших сумели избежать прямой конфронтации с самыми мерзкими порождениями фауны развалин, то по меньшей мере мухи преследовали их повсюду, не говоря уже о «запахе... тлена и разложения», который, как пишет Носсак, «висел над городом»⁵⁷. До нас не дошло почти никаких сведений о тех, что за недели и месяцы после разрушения погибли от отвращения к бытию, однако хотя бы Ганса, центральную фигуру и рассказчика в романе «Ангел молчал», повергает в ужас мысль, что придется жить дальше, и ему кажется более чем естественным просто капитулировать, «спуститься по лестнице и уйти в ночь»⁵⁸. Знаменательно, что многим из бёллевских героев еще и десятилетия спустя недостает подлинной воли к жизни. Эта нехватка, их стигмат в новом успешном мире, есть наследие жизни среди развалин, которая воспринималась как позор. О том, сколь близки к смерти были многие в больших разрушенных городах на исходе войны, свидетельствует заметка Э. Кингстона-Макклури, где говорится, что бесцельное на первый взгляд блуждание миллионов бездомных людей среди этого чудовищного опустошения являло собой пугающую и чрезвычайно тревожную картину. Никто не знал, где эти люди находили приют, хотя после наступления темноты огни в руинах показывали, где они устроились⁵⁹. Мы находимся в некрополе чужого, непонятного народа, вырванного из его благополучного бытия и истории, отброшенного вспять, на уровень кочевых собирателей. Итак, представим себе, что мы видим «далеко-

⁵⁶ Nossack H.E. Der Untergang. S. 238.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Böll H. Der Engel schwieg. S. 138 [Бёлль Г. Ангел молчал. М.: Текст, 2001. С. 170].

⁵⁹ Цит. по: Zuckerman S. Op. cit. P. 327.

далеко, позади садовых участков, над насыпью железной дороги... обугленные развалины города, его разодранный мрачный силуэт»⁶⁰, а перед ним – ландшафт из низких, цементно-серых груд щебня, сухую красную кирпичную пыль, которая огромными тучами плывет над вымершей округой, одинокого человека, копающегося в обломках⁶¹, трамвайную остановку, посреди Нигде, людей, которые там стоят и о которых, как пишет Бёлль, неизвестно, откуда они вдруг появлялись, словно вырастали из развалин, «невидимо и неслышно из этой пустоты воскресали призраки, чьи пути и цели оставались недоступными его пониманию. То были существа, нагруженные мешками и свертками, коробками и ящиками»⁶². Проедемте с ними назад, в город, где они живут, по улицам, где горы щебня громоздятся до второго этажа дочиста выгоревших фасадов. Мы увидим людей, которые соорудили на улице маленькие очаги (будто в джунглях, пишет Носсак⁶³) и готовят на них еду или кипятят белье. Печные трубы меж обломками стен, чадный дым, мало-помалу расползающийся вокруг, старая женщина в платке, с угольной лопаткой в руках⁶⁴. Примерно так, наверно, оно и выглядело, наше отечество, в 1945-м. Стиг Дагерман описывает жизнь обитателей подвалов в одном из городов Рурской области: отвратительная еда, которую они варят из грязных сморщенных овощей и сомнительного мяса; дым, холод и голод, царящий в подземных пещерах; кашляющих детей, в чьи рваные башмаки заливается вода, все время стоящая на полу. Дагерман описывает школьные классы, где выбитые окна заколочены аспидными досками и так темно, что дети не могут прочесть написанное в учебнике. В Гамбурге, пишет Дагерман, он разговаривал с неким господином Шуманом, сотрудником банка, который уже третий год жил в подzemелье. Белые лица этих людей, по словам Дагермана, выглядят точь-в-точь как у рыб, когда они поднимаются на поверхность глотнуть воздуха⁶⁵. Виктор Голланц, который осенью 1946-го за полтора месяца объездил зону английской оккупации, прежде всего Гамбург, Дюссельдорф и Гурскую область, и написал для английской прессы целый ряд репортажей, приводит подробные сведения о недоедании, явных симптомах анемии, голодных отеках, истощении, кожных инфекциях и стремительном увеличении числа туберкулезных больных. Он тоже говорит о глубокой апатии и называет ее ярчайшим тогдашним признаком населения больших городов. «Люди бродят повсюду такие вялые и инертные, – пишет он, – что, когда едешь на машине, все время рискуешь кого-нибудь сбить»⁶⁶. Самый, пожалуй, поразительный репортаж Голланца из побежденной страны – небольшая глосса «Эта обувная нищета», посвященная вконец изношенной обуви немцев, вернее не столько сама глосса, сколько сопровождающие ее в более позднем книжном издании фотографии, которые явно замороженный сим предметом автор сделал осенью 1946-го. Такие снимки, где наглядно виден процесс деградации, бесспорно, относятся к естественной истории разрушения, какой она некогда представлялась Солли Цукерману. Точно так же и пассаж из «Ангел молчал», где рассказчик замечает, что «дату бомбежки можно определить по наличию или отсутствию зелени на развалинах: это чисто ботанический вопрос. Здешняя груда развалин была голой и лысой – камни с рваными краями, недавно взорванная кирпичная стена... нигде ни травинки, в то время как в других местах уже успели вырасти деревца, прелестные молодые деревца в кухнях и спальнях». Под конец войны в Кёльне территория развалин местами уже

⁶⁰ Böll H. Op. cit. S. 70 [Бёлль Г. Указ. соч. С. 89].

⁶¹ Nossack H.E. Der Untergang. S. 238.

⁶² Böll H. Op. cit. S. 57 [Бёлль Г. Указ. соч. С. 72].

⁶³ Nossack H.E. Der Untergang. S. 243.

⁶⁴ Böll H. Op. cit. S. 45f [Бёлль Г. Указ. соч. С. 55].

⁶⁵ Цит. в переводе по: Dagerman S. German Autumn. London, 1988. P. 7ff.

⁶⁶ Gollancz V. In Darkest Germany. London, 1947. P. 30.

преобразилась благодаря густой зелени – как «мирные загородные овраги»⁶⁷ тянутся улицы сквозь новый ландшафт. Не в пример нынешним медленно распространяющимся катастрофам, в ту пору регенерационная способность природы, похоже, не понесла ущерба от огненных бурь. Да-да, осенью 1943-го, через считанные месяцы после великого пожара, в Гамбурге второй раз зацвели многие деревья и кусты, особенно каштаны и сирень⁶⁸. Сколько бы потребовалось времени – если бы действительно приняли план Моргантау, – чтобы повсюду в стране руины покрылись лесами?

⁶⁷ Böll H. Op. cit. S. 92 [Бёль Г. Указ. соч. С. 115].

⁶⁸ См.: Middlebrook M. The Battle of Hamburg. London, 1988. P. 359.

Вместо этого с удивительной быстротой воспрянул другой природный феномен – общественная жизнь. Способность людей забывать то, чего они не хотят знать, не видеть того, что находится прямо перед глазами, редко подвергалась столь эффективной проверке, как тогда в Германии. Принимается решение – сперва от чистейшей паники – жить дальше, как будто ничего не случилось. Сообщение Клуге об уничтожении Хальберштадта начинается с истории женщины-киномеханика, госпожи Шрадер, которая после разрыва бомбы немедленно берет в руки саперную лопатку и принимается за расчистку, чтобы, как она надеется, «управиться с уборкой до четырнадцатичасового сеанса»⁶⁹. Обнаружив в подвале обваренные части тел, она наводит порядок, складывая все это в бак для кипячения белья. Носсак рассказывает, как по возвращении в Гамбург через несколько дней после налета увидел женщину, которая мыла окна в доме, «стоявшем среди развалин, одиноком и невредимом. Мы подумали, что она сошла с ума, – пишет он и продолжает: – Та же мысль возникла в голове,

⁶⁹ Kluge A. Op. cit. S. 35.

когда мы увидели, как дети расчищают и рыхлят палисадник. Это было настолько непостижимо, что мы рассказывали об этом другим как о чем-то необыкновенном. А однажды мы попали в совершенно не разрушенное предместье. Люди сидели на балконах и пили кофе. Словно кино, ведь, собственно говоря, разве такое возможно?»⁷⁰ Недоумение Носсака обусловлено тем, что он воспринимает все это – с точки зрения потерпевшего вполне оправданно – как граничащий с бесчеловечностью дефицит моральной отзывчивости. От колонии насекомых никто не ждет, что она застынет в скорби из-за разрушения соседнего гнезда. Но от человеческой природы ожидают определенной меры эмпатии. В этом смысле традиционное обывательское кофепитие на гамбургских балконах в конце июля 1943 года отдает чем-то пугающе абсурдным и скандальным, как, к примеру, поедание своего же собрата гранвилевскими животными, одетыми в человеческое платье, со столовыми приборами в лапах. С другой стороны, игнорирующая все катастрофические помехи будничная рутина – от выпечки пирога к кофейному столу до соблюдения высоких культурных ритуалов – есть самое испытанное и самое естественное средство сохранить так называемый здравый человеческий рассудок. В этот контекст вписывается и роль, которую в эволюции и крахе Третьего рейха играла музыка. Всякий раз, когда необходимо было подчеркнуть важность момента, использовался большой оркестр и режим присваивал себе утверждающий жест симфонического финала. Ничего не изменилось и когда немецкие города подвергались ковровым бомбардировкам. Александер Клюге вспоминает, как ночью перед налетом на Хальберштадт римское радио передавало «Аиду»: «Мы сидим в отцовской спальне перед коричневым деревянным приемником с освещенной шкалой, где указаны иностранные радиостанции, и слушаем искаженную помехами тайную музыку, которая издалека, сквозь шумы сообщает о чем-то серьезном, что отец излагает короткими немецкими фразами. В час ночи влюбленных душат в склепе»⁷¹. Накануне разрушительного налета на Дармштадт, по словам одного из уцелевших, он «слышал по радио сладострастные напевы мира рококо в волшебной музыке Штрауса»⁷². Носсак, которому пустые гамбургские фасады представляются триумфальными арками, руинами римской эпохи или сценическими декорациями фантастической оперы, глядит с кучи обломков в пустыню, среди которой одиноко висится портал монастырского сада. Еще в марте он был там на концерте. «И слепая певица пела: „Вновь настает страданий тяжких время“. Просто и уверенно она стояла, опершись на чембало, и мертвые ее глаза смотрели вдаль, поверх пустяковых мелочей, которые мы уже тогда боялись потерять, смотрели, возможно, туда, где мы теперь. А теперь вокруг лишь каменное море»⁷³. Созданная музыкальным переживанием связь предельно мирского с сакральным – художественный прием, который оправдывает себя и после гибели. «Кирпичные холмы, под ними – засыпанные, над ними – звезды; последнее, что там шевелится, это крысы. Вечером иду на „Ифигению“, – записал в Берлине Макс Фриш⁷⁴. Английский наблюдатель вспоминает оперный спектакль в том же городе сразу после прекращения огня. «In the midst of such shambles only the Germans, – говорит он с несколько двойственным восхищением, – could produce a magnificent full orchestra and a crowded house of music lovers»⁷⁵. Кто дерзнет отказать слушателям, которые тогда по всей стране с блеском в глазах внимали вновь воспрянувшей музыке, в праве на чувства благодарности за спасение? Тем не менее позволителен и вопрос,

⁷⁰ Nossack H.E. Der Untergang. S. 220.

⁷¹ Kluge A. Theodor Fontane, Heinrich von Kleist, An na Wilde: Zur Grammatik der Zeit. Berlin, 1987. S. 23.

⁷² Schmidt K. Op. cit. S. 17.

⁷³ Nossack H.E. Der Untergang. S. 245.

⁷⁴ Дневники Макса Фриша. Цит. по: Enzensberger H.M. Op. cit. S. 261.

⁷⁵ Среди всего этого хаоса только немцы могли собрать замечательный оркестр в полном составе в целый зал любителей музыки (англ.).

⁷⁶ Цит. по: Zuckerman S. Op. cit. P. 192f.

не переполняла ли их извращенная гордость, что никто во всей истории человечества еще так не играл и никто не вынес так много, как немцы. Хроника этих событий – история жизни немецкого композитора Адриана Леверкюна, которую фрайзингский учитель Цейтблом, по замыслу своего «негра» из Санта-Барбары, записывает на бумаге, когда город Дюрера и Пиркхаймера сжигают дотла и та же судьба постигает близкий Мюнхен. «Благосклонный читатель и друг, – пишет он, – я продолжаю. Гибель нависла над Германией, на щебне наших городов хозяйничают разжиревшие с трупов крысы...»⁷⁷ В «Докторе Фаустусе» Томас Манн представил всестороннюю историческую критику искусства, все более и более тяготеющего к апокалиптическому миропониманию, а одновременно свидетельство собственного соучастия. Из публики, для которой предназначался роман, его, пожалуй, поняли тогда лишь немногие, все были слишком заняты мемориальными церемониями на толком еще не остывшей лаве, слишком заняты и тем, чтобы избавить себя от малейших подозрений. В сложный вопрос о соотношении этики и эстетики, которым терзался Томас Манн, никто не вникал. И все-таки именно он был главным, как показывают изъяны немногочисленных литературных воссозданий гибели немецких городов.

⁷⁷ *Mann T. Doktor Faustus. Frankfurt a. M., 1971. S. 433* [*Манн Т. Доктор Фаустус // Он же. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 8. С. 562*].

Наряду с Генрихом Бёллем, чей печальный роман «Ангел молчал» более сорока лет оставался неизвестен литературной общественности, собственно говоря, по окончании войны только Герман Казак, Ганс Эрих Носсак и Петер де Мендельссон писали о разрушении городов и выживании в стране руин. Названные три автора были тогда связаны между собой этим общим интересом. Казак и Носсак примерно с 1942 года, когда один начал работу над «Городом за рекой», а другой – над «Некийей», регулярно поддерживали контакт; живший в английской эмиграции Мендельссон, который при первом возвращении в

Германию в мае 1945-го едва ли мог осмыслить действительный масштаб разрушений, на основе своих впечатлений наверняка воспринял вышедшую весной 1947 года книгу Казака как чрезвычайно актуальное свидетельство эпохи. Тем же летом он публикует восторженную рецензию, ищет для книги английское издательство, сам немедля садится за перевод и, подвигнутый работой над Казаком, в 1948-м начинает писать роман «Собор», который, как и произведения Казака и Носсака, воспринимается как литературный эксперимент в сфере тотального уничтожения. Но из-за множества дел, свалившихся на Мендельссона в связи с тем, что военная администрация поручила ему наладить выпуск немецких газет, написанное по-английски повествование осталось фрагментом и, как таковой, было издано в авторском переводе лишь в 1983 году. Несомненно, ключевой текст этой группы – «Город за рекой», произведение, которое все тогда оценивали как эпохальное и долго считали окончательным расчетом с безумием национал-социалистского режима. «Благодаря одной-единственной книге, – писал Носсак, – у нас снова была значительная немецкая литература, литература, возникшая здесь, выросшая на наших развалинах»⁷⁸. Конечно, другой вопрос, в каком именно смысле фантазия Казака соответствовала тогдашним немецким обстоятельствам и что означала экстраполированная им из этих обстоятельств философия. Вид города за рекой, где «жизнь протекает, так сказать, под землей»⁷⁹, по всем своим признакам есть картина разбитого общества: «...у домов, рядами расхोдившихся от площади, были одни только фасады, так что сквозь зияющие проемы окон виднелись кусочки неба»⁸⁰. И можно бы привести доводы, что и изображение «безжизненной жизни»⁸¹, которую влачит население в этом промежуточном царстве, почерпнуто из реального экономического и общественного положения 1943–1947 годов. Никаких автомобилей, пешеходы безучастно бредут по разрушенным улицам, «точно их уже не трогал унылый окрестный ландшафт... Время от времени встречал он людей и в разрушенных помещениях, кажется уже не пригодных для жилья. Они рылись там в кучах щебня и, похоже, отыскивали остатки засыпанных предметов домашней утвари, извлекая из мусора где кусок жести или дерева, где обрывок проволоки, которые клали в сумки, подобные школьным ранцам»⁸². В магазинах, оставшихся без крыш, предлагается на продажу скудный хлам: «...здесь две-три пары брюк и пиджаков, ремни с серебряными пряжками, галстуки и пестрые платки, там башмаки и сапоги всяких фасонов, в большинстве своем изрядно поношенные. В другом месте болтались на плечиках помятые костюмы разных размеров, национальные куртки и крестьянские фуфайки устаревшего покроя. Вперемешку лежали там и тут штопанные чулки, носки, рубашки, шляпы...»⁸³. Стесненные жизненные и экономические обстоятельства, ярко проступающие в подобных пассажах как эмпирические основы повествования, все же не складываются в полную картину мира развалин, скорее это декорационные вставки, предназначенные для более высокого плана мифологизации реальности, которая в своей грубой форме не поддается описанию. Соответственно и бомбардировочные флоты представляются явлениями трансреальными. «Точно Индра, который в своей разрушительной неистовости превзошел демонические силы, вдохновлял их, – так безудержно восходили они к вакханалии смерти, чтобы в стократно больших масштабах, чем в прежних кровопролитных войнах, разрушать дворцы и здания больших городов, теперь уже с апокалиптической силой»⁸⁴. Фигуры

⁷⁸ Nossack H.E. Pseudoautobiographische Glossen. Frankfurt a. M., 1971. S. 51.

⁷⁹ Kasack H. Die Stadt hinter dem Strom. Frankfurt a. M., 1978. S. 18 [Казака Г. Город за рекой // Гелиополис: Немецкая антиутопия. М.: Прогресс, 1992. С. 41].

⁸⁰ Ibid. S. 10 [Там же. С. 35].

⁸¹ Nossack H.E. Op. cit. S. 62.

⁸² Kasack H. Op. cit. S. 152 [Казака Г. Указ. соч. С. 137].

⁸³ Ibid. S. 154 [Там же. С. 138].

⁸⁴ Ibid. S. 142 [Там же. С. 129].

в зеленых масках, члены тайной секты, источающие сладковатый запах газа и, быть может, воплощающие убитых в лагерях, в аллегорической гиперболе участвуют в диспуте с непомерно раздутыми чучелами власти, которые кричат о святотатственном господстве, пока не опадают пустыми оболочками униформ, оставляя после себя жуткий смрад. К этой прямо-таки зиберберговской сцене, выросшей из самых сомнительных аспектов экспрессионистской фантазии, в заключительной части романа добавляется попытка придать смысл бессмысленному, и по этому случаю старейший философ казаковского царства мертвых указывает, что «тридцать три посвященных... с давних пор сосредоточивают свои усилия на том, чтобы для процесса возрождения открыть и расширить мир азиатского региона, и в последнее время многие стремятся к более активному использованию традиций, зародившихся на Востоке. Этот постепенно и в единичных случаях совершающийся обмен между азиатской и европейской формой бытия довольно хорошо различим в ряде явлений». Из дальнейших разъяснений Мастера Магуса, представляющего в романе Казака высшую инстанцию мудрости, следует, что «многомиллионная смерть должна была произойти в столь необычайных масштабах... чтобы освободить место для приближающихся возрождений. Несметное число людей преждевременно ушло из жизни, чтобы они своевременно могли воскреснуть как посев, как апокрифическое обновление в до сих пор замкнутом жизненном пространстве»⁸⁵. Выбор слов и понятий подобных пассажей, нередких в казаковском эпосе, с пугающей ясностью показывает, что тайный язык⁸⁶, якобы культивируемый внутренней эмиграцией, во многом идентичен коду фашистской идеологии. Нынешнему читателю тяжело смотреть, как Казак, совершенно в стиле своего времени, с помощью псевдогуманистических и дальневосточных философизмов и используя массу символического пустословия, перескакивает через неслыханную реальность коллективной катастрофы и как он посредством всего своего романа помещает себя самого в более высокую общность чисто духовных персонажей, которые в городе за рекой как архивариусы хранят память человечества. Носсак в «Некий» тоже поддается соблазну истребить реальные кошмары того времени посредством абстрактного искусства и метафизического обмана. «Некий», как и «Город за рекой», – это рассказ о путешествии в царство мертвых, и, как и у Казака, здесь тоже есть учителя, менторы, мастера, прашуры и праматери, очень много патриархальной строгости и очень много пренатальной темноты. Иными словами, мы находимся в немецкой педагогической провинции, которая простирается от идеального видения Гёте о Звезде завета до Штауффенберга и Гимmlера. Коль скоро эта модель до- и надгосударственной элиты, хранительницы тайного знания, при том что она полностью скомпрометировала себя в общественной практике, все-таки привлекается вновь, чтобы раскрыть уцелевшим в тотальном уничтожении вероятный метафизический смысл их опыта, то это свидетельствует о глубоком, выходящем далеко за пределы сознания отдельного автора идеологическом упрямстве, которое можно уравновесить лишь прямым взглядом на реальность.

⁸⁵ Ibid. S. 315 [Там же. С. 251, 252].

⁸⁶ «Настоящая литература тогда была тайным языком» (Nossack H.E. Pseudoautobiographische Glossen. S. 147).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.